

Старинные Чешские Сказания

Сокращенный перевод с чешского Ф. Боголюбовой

Редактор-консультант Ю. Молочковский

СТАРОГРАДСКИЙ ОРЛОЙ

СТАРОГРАДСКИЙ ОРЛОЙ³²

Не съезд земанов и представителей городов собрался в Староградской ратуше, не народное собрание было там созвано, не важный суд заседал там, а все же валом валил народ к ратуше с раннего утра и до позднего вечера. А кто сюда приходил, тому и уходить не хотелось. Люди стояли тут часами, и не привольно и свободно, а в страшной давке и тесноте.

Все старались протолкаться поближе к башне ратуши, на которой красовалось диво дивное – новый орлой, о котором шло столько толков повсюду. По всей Праге – в королевском дворце, в панских палатах и крестьянских хижинах, в корчмах и на улице, – всюду говорили, что тот новый староградский орлой не похож на все башенные часы, но такой удивительный и чудесный, что, верно, другого такого нет в целом свете.

Богатые горожане, ремесленники, старухи и молодые женщины, студенты в плащах – все теснились перед ратушей, поднимались на цыпочки, вытягивали шею и пялили глаза на большой циферблат с двадцатью четырьмя делениями, расчерченный золотыми кругами, линиями, числами и дивными знаками, на круг под ним с обозначениями двенадцати небесных созвездий, на изваяния и резную листву барельефов, а больше всего на фигуры смерти, удивительного турка и скряги с мешком денег. Вокруг ратуши не умолкал многоголосый шум и гул; казалось, что здесь бежит бурный поток.

Но как только наверху, на новых башенных часах, раздавался звон колокола, толпа тотчас затихала. Лишь иногда слышался чей-нибудь возглас или поднималась рука, указывая на фигуру смерти, ударяющей в колокол. И вдруг, ко всеобщему изумлению, открывались два оконца над башенными часами, и из одного из них выходили апостолы. Шли они все двенадцать друг за другом, с запада на восток, и каждый оборачивался к площади; а позади всех шествовал сам Христос, благословляя толпу. Люди снимали шапки и крестились. Некоторые боязливо указывали на смерть, скалившую зубы, на вертящегося на месте скрягу.

— Глядите, как старик качает головой! Видно, не хочется умирать, вот он и просит, чтобы скелет подождал, не звонил.

Но когда выше, над оконцами, показался петух и громко закукарекал, толпа повеселела и оживилась. Все засмеялись и закричали. И вновь неустанно шумели и гудели, как бурный поток, человеческие голоса, не умолкая и не затихая ни на минуту. Всюду в толпе толковали о мастере, соорудившем башенные часы, о том, что одарен он более других талантом и изобретательностью, и все называли имя магистра³³ Гануша, создавшего столь хитроумную вещь.

Магистры и доктора в темных плащах и накидках рассматривали орлой и тоже хвалили мастера Гануша. Важно стояли они вокруг, одни худые, другие толстые, и говорили по-латыни и по-чешски о кругах и знаках, изображенных на башенных часах. Над петухом, фигурами смерти, старика и другими они лишь смеялись, а один из них пренебрежительно сказал бакалаврам³⁴ и студентам, когда смерть зазвонила в колокол, а петух закричал, что эти игрушки и подобные им фокусы годны лишь на потеху простонародью.

И магистр стал объяснять, что ученым людям и особенно астрономам дорог этот редкостный орлой и без шутовских затей, ибо показывает он солнце в его движении с запада на восток, показывает, на каком знаке зодиака и градусе стоит солнце день за днем, из года в год, когда восходит оно, в каком часу достигает зенита, где опускается, высоко ли от востока над горизонтом, близко ли к линии полуденной и низко ли к западу, где находится оно ночью, после захода за горизонт, как от нас удаляется с уменьшением дня, а летом вновь приближается.

Ученый магистр внезапно умолк; из украшенной порталом ратуши вышли члены городского совета и советники Старого города, в широких, подбитых мехом плащах, в беретах и шляпах. Все они направились к орлоу.

³²Староградский орлой — так назывались старинные астрономические башенные часы в Старом городе.

³³Магистр — первая ученая степень, которую университет присуждал после защиты диссертации.

³⁴Бакалавр — первая ученая степень по окончании университета.

Толпа расступилась. Ученые магистры, бакалавры, студенты и весь народ устремили на орлой свои взоры. Но вскоре внимание всех привлек немолодой мужчина в черной одежде магистра, который шел рядом с бургомистром. Серьезное и бледное лицо магистра обрамляли темные волосы.

Зашумела толпа, зашевелилась, каждый старался пробраться вперед и вытягивал шею, чтобы получше разглядеть этого человека. Из уст в уста передавалось, что это сам магистр Гануш, создатель новых башенных часов.

Все, даже магистры коллегиума³⁵ почтительно приветствовали его; он скромно поблагодарил и, как только бургомистр и члены городского совета остановились под башенными часами, принялся толковать, по их просьбе, значение всех знаков и кругов.

Сначала говорил он о звездах и солнце, а затем начал объяснять по орлою движение луны, рассказал, когда восходит она, когда наступает ее первая четверть, когда полнолуние, когда последняя четверть, как она прибывает и убывает.

Упомянул он и о двенадцати знаках зодиака – о тех шести, что над горизонтом, и других шести, что за горизонтом. Объяснил магистр Гануш, что орлой его показывает все праздники в году и написан на нем весь гражданский календарь с двенадцатью месяцами, обозначенными простыми и золотыми цифрами.

Все вокруг внимательно слушали, шум в толпе стих, магистры и доктора с ученым видом важно кивали головами. Когда магистр Гануш кончил свою речь, вокруг раздались громкие похвалы. Но магистр, сделав вид, что они к нему не относятся, предложил советникам и докторам подняться с ним на башню, осмотреть механизм, гири и колеса: часы сейчас будут бить, пусть все увидят, как безупречно работают колеса.

Приглашенные поднялись »а башню и, когда увидели хитроумный механизм, все колеса, колесики, гири и рычаги, много дивились тому, как могла все это выдумать одна человеческая голова, как возможно все это удержать в памяти и определить назначение каждому колесу, колесику, каждому зубчику.

А еще больше изумились они, когда магистр Гануш показал и объяснил действие четырех сторон или четырех частей орлая, из которых каждая имела свои гири, свой особый механизм и свои колесики, которыми она выполняла свое особое дело. Все восхищались четвертой стороной, самой сложной, самой искусной, и ее главным, календарным колесом с триста шестьюдесятью пятью зубцами, которое описывало, по словам мастера, полный круг за год, подвигаясь каждый день на одну зарубку, или зубец.

Весь сложный механизм работал так четко, словно наделен он был разумом и душой. Острый ум мастера жил в нем, управлял им, и никто другой, кроме Гануша, не понимал действия всего механизма. Один из членов городского совета, Ян-часовщик, откровенно перед всеми признался, что все это ему непонятно и, конечно, могло быть создано лишь по наитию свыше; он же, старый часовой мастер, этот механизм чинить или регулировать не взялся бы. Даже следить за ходом часов он не смог бы, потому что от такой сложной работы, пожалуй у него помутился бы разум.

Один из мастеров Карлова коллегиума³⁶ добавил, что он побывал и в Италии и во Франции, видел там большие и замечательные башенные часы, но таких нигде не встречал.

— И не знаю, есть ли где, — сказал он, — и не уверен, могут ли быть найдены в иных странах башенные часы хитроумнее и удивительнее этих. Разве только мастер Гануш еще где-нибудь сделает такой же орлой.

Поразила эта мысль бургомистра, и он переглянулся с советниками. Взял их страх, как бы и на самом деле не случилось этого. Взоры их обратились к магистру Ганушу.

Тот, улыбаясь, ответил, что счастлив он, что довелось ему закончить столь сложное дело, и за то благодарит господ бога.

Бургомистр спускался с башни уже не таким довольным, каким поднимался. Тревожная дума овладела им и другими советниками: что, если магистр Гануш соорудит другие такие часы в ином городе? Что, если в других городах будут подобные же чудеса, достойные удивления?

³⁵Коллегиум, коллегия — здесь: учебное заведение.

³⁶Карлов коллегиум — Пражский университет, основанный Карлом IV в 1348 году.

Молва о пражских часах разлетелась по всем землям Чешского королевства и дальше, за пределами его, в чужих краях. Каждый, кто приезжал в Прагу, спешил посмотреть на орлой, и каждый потом разносил славу о нем по всей стране.

Начали приходить к магистру Ганушу послы из разных городов, чешских и чужеземных, и просить его соорудить часы, подобные пражским. И напал страх на бургомистра и староградских советников. Не хотели они допустить, чтобы где-нибудь еще в мире была такая диковина. Прага одна должна была владеть этим прославленным орлоем, единственным в свете.

Сошлись они тайно и держали совет, обдумывая, как поступить. И признали все, что магистр Гануш все же может польститься на обещания и золото чужеземцев и что, может быть, уже сейчас работает он над новым орлоем, пожалуй еще более замечательным и великолепным, потому что сидит он безвыходно в мастерской и что-то там делает и испытывает. И чтобы быть уверенными в том, что не создаст он другого орлая, решились они на злодейское дело.

* * *

Магистр Гануш сидел у себя в мастерской у большого стола и вычерчивал какой-то сложный механизм на большом листе бумаги. На столе горели две свечи; ставни были закрыты, в очаге пылал огонь. Была ночь. Тьма окутывала пустынные улицы. В доме царили спокойствие и тишина, даже шороха нигде не было слышно.

Магистр так углубился в свою работу, так задумался, что не сразу услышал, как заскрипели снаружи ступени и кто-то стал подниматься по лестнице. Он повернулся, только когда двери его комнаты распахнулись и вошли три человека в плащах и капюшонах, низко опущенных на лоб и лицо. Но едва пораженный магистр хотел спросить, что им нужно, как один из них погасил свечи, а двое набросились на него и поволокли, заткнув ему рот, к пылающему очагу.

В доме все спали и не слышали стремительных шагов наверху, в комнате магистра Гануша; никто в доме не знал, что три замаскированных человека отмычкой открыли дверь во дворе, вошли в дом и вскоре вышли оттуда, мелькнули, как тени, и исчезли, скрылись в тьме ночной.

Только утром обнаружили их следы и страшное злодеяние. Магистра Гануша нашли на постели полубесчувственным. Дышал он горячечным жаром, глаза у него были завязаны. С ужасом выслушали соседи рассказ о том, что случилось с ним ночью. На него напали неизвестные люди и ослепили его. Глаза они сами ему завязали. Он о том даже не знал, ибо лишился чувств, когда творили они свое страшное дело.

Весть об этом преступлении всполошила всю Прагу. С негодованием говорили о неизвестных злодеях, но тщетны были все попытки их отыскать. Словно сквозь землю провалились они. Кое-где с недоумением шептались, передавая друг другу слова, что сказал Гануш, когда немного пришел в себя: «Пусть тех злодеев не ищут: их не найдут, хотя и близко они».

Не проронил он больше ни слова, но все понимали, что мог бы он сказать многое, если бы захотел. Молчаливый, печальный, похожий на незрячую птицу, сидел он в углу своей мастерской, где прежде столько трудился. Недвижно стояли его приборы, в бездействии висели напильники, пилки и другие инструменты; пыль ложилась на книги и свитки бумаг и пергаментов с его чертежами и планами. Все погрузилось для него в черную тьму. Ничего не увидели его потухшие навеки глаза, даже слабого проблеска света. Мучился и терзался магистр Гануш, скучал и тосковал он по работе, в которой была вся его жизнь. Без своего любимого дела погибал он и чах.

С горечью думал он о неблагодарности, страшной неблагодарности, которой отплатили ему за его великое произведение. Постоянно слышались ему слова, что крикнул в ту страшную ночь один из замаскированных: «Ну, теперь другого орлая уже не сделаешь!»

Вот какова была для него награда, вот что получил он за весь свой труд!

Сильно сокрушался он, таял с каждым днем и уже чувствовал свой близкий конец. И тогда собрал он последние силы и поплелся к Староградской ратуше, сопровождаемый одним из своих бывших учеников.

Перед башней, как всегда, стояла толпа людей и ожидала, когда раздастся бой часов. Прославленный магистр прошел мимо. Люди его, не узнали, так он изменился и одряхлел. Похудел Гануш, щеки его ввалились и пожелтели, побелела от перенесенных страданий голова. У ратуши встретил он советников, но они отвернулись от него. Никто из них его не приветствовал, и не рады были они, когда накануне прислал Гануш сказать, что явится посмотреть на

орлой, ибо пришло ему нечто новое в голову и решил он кое-что изменить, чтобы механизм лучше работал.

Приказал Гануш подвести себя к самой сложной, четвертой части. Но черная тьма покрывала бесчисленные колеса, колесики, пружины и рычаги. Лишь голос их слышал он, слышал, как четко и точно работают они, как размерен их ход.

Больной, преждевременно поседевший, удрученно стоял слепой магистр у своего творения, прислушиваясь к ходу часов, и думал о том, что обрекли его на слепоту бургомистр и советники лишь ради того, чтобы бахвалиться перед всем светом; не посчитались они ни с его муками, его болью, ни с ним самим.

Вдруг раздался звон. Снаружи на башенных часах смерть ударила в колокол, возвещая о быстротекущем времени. Смерть звала. Механизм пришел в действие, и начался выход апостолов.

Магистр Гануш вздрогнул всем телом. Он поднял правую руку, помедлил мгновение, потом, словно зрячий, просунул внутрь свои костлявые пальцы и ненадолго их там задержал. Когда он вытащил руку обратно, скрипнуло что-то в колесах, и весь механизм, словно расстроенный и сбитый с толку, захрипел, задребезжал, загрохотал, колеса и колесики беспорядочно завертелись, все загремело, защелкало, зашипело, затикало, а смерть беспрестанно звонила в свой колокол. Затем, все разом стихло. Умолк колокол, колеса, рычаги и пружины вышли из строя, апостолы замерли на полпути, фигуры остановились, петух перестал кукарекать.

На площади беспокойно шумел и кричал испуганный народ. Из ратуши выбежали люди и бросились к механизму. Орлой был недвижим, а вдохнувший в него жизнь мастер лежал на полу в беспмятстве, бледный, как полотно. Лишь только принесли его домой, он скончался.

А орлой стоял, и не было никого, кто бы мог исправить столь искусное, удивительное творение.